

Об одном англофильском проекте: из истории петроградского журнала «Аргус»¹

Неоднозначная репутация иллюстрированного литературного ежемесячника «Аргус» (с подзаголовком «Все вижу»), выходявшего в Петербурге (и после в Петрограде) с 1913 по 1917 г. под редакцией эксцентричного журналиста В. А. Раппопорта (печатавшегося под псевдонимом Регинин), известна. Так, К. Г. Паустовский в своих воспоминаниях характеризует «Аргус» как «журнал на всеобщую потребу» наряду с раппопортовским научпопом «Хочу все знать». «Аргус» якобы был немного солидней «дешевого и бесшабашного» еженедельного «Синего журнала», но все же не такой — согласно Паустовскому — «серьезный» и респектабельный как «Вестник Европы», «скучноватое, но идейное» «Русское богатство» или даже массовая «Нива» с ее приложениями [см.: Паустовский 1982: 90].

Своеобразной репутацией «Аргус» не в последнюю очередь был обязан именно своему редактору Раппопорту (по прозвищу Американец), известному благодаря эффектным выходкам, призванным приумножить коммерческий успех его пестрых проектов. Скажем, чтобы привлечь внимание к «Синему журналу», Раппопорт обещал выпить кофе и съесть пирожных в клетке с тиграми; эскападе надлежало быть тщательно задокументированной, а все права на публикацию фото принадлежали журналу (потом, по слухам, редактор сослался на нездоровье и от затеи отказался). Чуть большая «респектабельность» «Аргуса» отнюдь не сковывала рекламный азарт Раппопорта. Так, один из тиражей «Аргуса» было решено продавать свернутым в трубку с надетой на нее маской А. Т. Аверченко. Меж тем, несмотря на некоторую «бульварность» маневров редактора, журнал заслуживает внимания не только

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Европейская литература в компаративном освещении: метод и интерпретация», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

в связи с громкими именами сотрудничавших с ним авторов-модернистов (в частности, А. А. Ахматовой, М. А. Кузмина, Ф. Сологуба) и известных художников (например, А. Н. Бенуа и М. В. Добужинского), но и как если не «англофильский», то, во всяком случае, «западный» проект известного своими европейскими симпатиями Раппопорта.

В этой статье я попробую указать на потенциальные источники издательских решений Регинина-Раппопорта и выделить нестандартные концептуальные принципы «Аргуса», которые заслуживают отдельного изучения. Решение этой задачи могло бы попутно показать, какими способами новейшая англоязычная культура «просачивалась» в Россию 1910-х гг. и оказывалась доступна русскому читателю. Интересен в этом случае «Аргус» не только (и даже не столько) сам по себе, но и как наглядный пример того, как могли работать механизмы этой рецепции.

«Аргус» действительно напоминает журнал «нового заграничного типа», если пользоваться определением С. М. Проппера, ответственного за «ребрендинг» журнала «Огонек», который с 1908 г. специализировался преимущественно на сыщицкой беллетристике и документалистике. Так, «Аргус» принадлежит к числу журналов, совмещавших публикации из русских и переводных сочинений с научно-популярными статьями, документальными репортажами и качественными иллюстрациями. Разумеется, по этому образцу было устроено много изданий, отнюдь не только раппопортовское, так что было бы опрометчиво немедленно возводить «Аргус» напрямую к иностранным образчикам, однако для начала хотелось бы остановиться на ряде любопытных особенностей именно раппопортовского журнала.

Один из примечательных сюжетов связан с иллюстрациями. В этом случае ориентация редактора Раппопорта на западные модели очевидна — и, более того, не очень-то им скрывалась. Дело даже не в псевдонимах некоторых постоянных

иллюстраторов «Аргуса» — Джо, Дени² и О’Коннел³, но и в заявлениях Раппопорта. Однажды в «Аргусе» появилась небольшая заметка, озаглавленная «Горькое предубеждение». В ней автор — возможно, сам Регинин — горестно сетовал на то, что «мы, кажется, никогда не сумеем сговориться с европейцами!» [Аргус. 1913. № 5: 121], а дальше излагал историю, приведшую его к столь нерадостным выводам. Редакция «Аргуса» якобы предложила одному из известных английских карикатуристов приехать в Россию и присоединиться к редакции. Карикатурист ответил на предложение решительным отказом и в качестве извинения прислал в редакцию свой маленький автопортрет-шарж (рис. 1). По мнению редакции, британец — он обозначен в заметке инициалами А. М. — «был напуган фантастическими рассказами о невыносимых для европейца холодах, царящих в России». Напечатав маленькую карикатуру А. М., «Аргус» уточнял: «<...> таким представляет себя художник по приезде в страну “белых медведей и самоваров”, и разубедить его вряд ли удастся» [Аргус. 1913. № 5: 121].

Что за художник имелся в виду под инициалами А. М. (или, как значится под карикатурой, А. К. М.), не вполне ясно. Зная вкус Раппопорта к авангардным выходкам и ярким мистификациям (вроде разгромных рецензий на несуществующие книги), можно предположить, что приглашенного карикатуриста и вовсе никогда не было, а сама история выдумана редакцией. Карикатура вполне могла быть нарисована одним из сотрудничавших с журналом русских иллюстраторов. Однако есть кандидат, который подходит на роль потенциального корреспондента редакции «Аргуса» более остальных: в числе иллюстраторов, сотрудничавших в 1910-е гг. с рядом английских литературных журналов, обнаруживается А.-К. Макдональд, работавший, в частности, с культовым лон-

² В нескольких номерах имя расшифровывается — В. Денисов.

³ Настоящее имя художницы — Рене Рудольфовна Михайловская-О’Коннел(ь). Это та самая Frau René Даниила Хармса, про которую он пишет: «Она предлагала мне остаться пить чай, но я боялся, чтобы она не подумала, что я имею на нее какие-нибудь виды, ибо я такие виды на нее имел. И потому, немного стеснясь, я ушел» [Хармс 1992: 204].

донским «The Strand Magazine», прославленным местом первой (и постоянной) публикации рассказов А. Конан Дойля о Шерлоке Холмсе, а также со схожим по духу «The Royal Magazine». Как кажется, в подписи опубликованного над заметкой рисунка и подписи на иллюстрациях Макдональда (рис. 2) можно усмотреть сходство (вроде довольно специфической манеры писать букву К). Тем не менее, даже если считать, что сходство условно, а под инициалами был скрыт другой художник, или если (что вполне вероятно) история выдумана Раппопортом, все равно она довольно показательна.



Рис. 1



Рис. 2

В истории «Аргуса» имеет большое значение еще один любопытный эпизод. В качестве небольшого предварительного пояснения отмечу, что «Аргус» питал страсть к «эксклюзивным» материалам, но, в отличие от «Синего журнала», речь шла не о сомнительных достижениях вроде раздобытой фотографии шестилапой собаки или гигантского спрута, а об эксклюзивных договоренностях с зарубежными адресатами, предоставлявшими журналу специальные права на тексты, иллюстрации или фото. Так, еще в самом начале существования, в 1913 г., журнал договорился о специальных правах на публикацию переводов свежих рассказов Дойля (всем посягнувшим на особые права «Аргуса» обещали судебную ответственность [см.: Дойль 1913: 3]). Перевод рассказа «Отравленный пояс» («The Poison Belt») открывал один из самых первых номеров издания [см.: Дойль 1913]. Г. К. Пилиев в своем небольшом обзоре ранних переводов Дойля на русский язык, упоминает и «Аргус». Он отмечает, что, по-видимому, анонимные переводы «Аргуса» и впрямь выполнялись с рукописей, как это и бы о анонсировано в аннотации, например, к «Приключениям умирающего сыщика» («The Adventure of the Dying Detective») [см.: Пилиев 2005]. В «Аргусе» снабженный множеством иллюстраций текст появился в ноябре 1913 г., одновременно с его первой англоязычной публикацией в нью-йоркском «Collier's Weekly Magazine» [см.: Аргус. 1913. № 11: 111—123] и за месяц (!) до традиционной публикации в «The Strand», а иллюстрации У. Педжета и вовсе были напечатаны там чуть ли не впервые — на месяц раньше, чем в Лондоне (нью-йоркскую публикацию иллюстрировал другой художник). Примерно так обстояли дела с каждым дойлевским рассказом, напечатанным в «Аргусе», хотя и не все опережали публикацию в «The Strand». Так, главы «Отравленного пояса» сперва следовали за «The Strand» с опозданием на месяц, но позже нагнали: если в Лондоне рассказ выходил с марта по июль, то в Петербурге — с апреля по июль.

Что касается переводов свежих текстов, то справедливо-сти ради замечу: «эксклюзивность» прав «Аргуса», обещавшего строжайшую кару за перепечатку любых его материалов, особен-

но сыщицких рассказов, была все же довольно условной. В перепечатке именно аргусовского перевода в любом случае не было необходимости, каждый текст Дойля существовал в нескольких переводах. Так, «Приключение умирающего сыщика» было (незначительно позже) напечатано в женском журнале «Модный свет» [см.: Модный свет. 1913. № 12: 23—26], периодически чередовавшего схемы для шитья и советы по устройству семейной жизни с авантюрной беллетристикой, а в «Биржевых ведомостях», газете Проппера, уже упомянутого мной в связи с «сыщицким» «Огоньком», появилось и вовсе синхронно с «Аргусом» — и снова в другом переводе [см.: Биржевые ведомости. 1913. № 270. 16 нояб.: 1—2]⁴.

К слову, синхронность маневров Раппопорта и Проппера показательна: оба нередко полагались на интерес их аудитории к Шерлоку Холмсу, Дойлю и вообще фигуре сыщика, реального или фикционального. В частности, «Аргус» в одном из первых же номеров опубликовал большой, 23-страничный материал о русских сыщиках — с характерным заглавием «Незаметные герои» [см.: Ефимов 1913]. Текст при этом изобилует литературными аллюзиями, интонация умеренно патетическая:

Общество ничего не знает о деятельности этих незаметных исполнителей своего долга и несправедливо опороченных, а между тем дела их — часто подвиги — так же как и жизнь их, полны приключений и опасностей, достойных описания. Описания не в дрянных, бульварных романах, а пером достойного писателя. В английской литературе бессмертный Диккенс вывел тип сыщика в лице мистера Беккета, как благороднейшего из людей («Холодный дом»). Уильки Коллинз почти в каждом романе выводил сыщиков. Конан Дойль создал Шерлока Холмса [Ефимов 1913: 57].

⁴ Также см.: «The Poison Belt» — Новое слово. 1913. № 8: 61—82; Волны. 1913. № 14—15: 29—54; «The Adventure of the Dying Detective» — Всемирная панорама. 1913. № 47 (240): 9—15; Мир приключений. 1913. № 2: 147—170; «The Valley of Fear» — Жизнь и суд. 1914. № 48. 30 нояб.: 5—8; Конан Дойль А. Долина Ужаса. Воскресший Шерлок Холмс. Новые, нигде не напечатанные приключения. Пг., 1914. Вып. 1.

Впрочем, Дойль — не единственный любопытный персонаж из беллетристического репертуара «Аргуса». Среди печатавшихся авторов доминировали скорее русские, чем зарубежные писатели (хотя и последние были активно представлены). Жанрово-тематический спектр публикаций «Аргуса» был относительно ограничен и сводился по большей части к авантюрной и «сенсационной» беллетристике, посвященной необычным, пугающим, а порой и сверхъестественным происшествиям. Общий жанрово-стилистический курс журнала неплохо передает рассказ С. Р. Минцлова «Тайна стен». Он начинается так: «В один из сумеречных петроградских дней, когда каждая квартира кажется подземной пещерой, а обитатели их — троглодитами, блуждающими впотьмах, сидел я в своем кабинете, и измерял черепа, привезенные мною из последнего путешествия» [Минцлов 1915: 57]. Здесь местом действия выбран Петроград, однако довольно значительная часть этих публикаций, даже русскоязычных, кажется намеренно стилизованной под что-то западное, переводную прозу. Так, «Аргус» стал местом публикации раннего А. С. Грина, регулярно присылавшего в журнал свои рассказы — такие, как «Наивный Туссалетто», «Сладкий яд города», «Убийство в рыбной лавочке» [см.: Аргус. 1913. № 8: 71—76; № 10: 103—111; 1915. № 4: 29—34] с их подчеркнуто иностранным, как это вообще свойственно Грину, *couleur locale*. Вообще, обилие русских рассказов с героями-иностранцами бросается в глаза: это не только Грин, но и, скажем, О. Дымов с рассказом «Итальянский князь» про нью-йоркскую вдову Браун и ее 20-летнюю дочь Эни [см.: Аргус. 1915. № 5. С. 11—20], или «Тайна адвоката Кука» В. В. Воинова [см.: Аргус. 1913. № 7. С. 41—50], или почти что кипплинговский «Заклинатель змей» Н. А. Карпова, где ориентализм граничит с нарочитой «английскостью» (место действия не названо прямо, но упоминания полисменов, виски и фунтов делает это довольно очевидным) [см.: Аргус. 1913. № 6: 87—95].

Показательно, Впрочем, и то, каких авторов редакция выбирала для перевода. Кроме трех крупных писателей, с которыми был заключен «эксклюзивный договор», одного британца (Дойля) и двух французов (М. Леблана и Г. Леру), а также переведенного

один раз Дж. Джерома, доминировали явно не очень известные авторы, в подавляющем большинстве случаев английские (или во всяком случае англоязычные). Почему Раппопорт отдавал предпочтение именно им — неизвестно, но некоторые предположения на этот счет выдвинуть можно. Американцев, а вернее авторов, публиковавшихся в американских изданиях, среди аргусовских переводных сочинений меньше, но случаи, которые обнаруживаются, любопытны. Так, с подачи, скорее всего, Раппопорта был переведен рассказ бостонского писателя, автора текстов в духе pulp fiction В. Максвелла [см.: Аргус. 1916. № 5: 57—83], выпускника Massachusetts Institute of Technology и на тот момент начинающего писателя, совсем неизвестного в России и малоизвестного в Штатах. Рассказ «Кугуар» был опубликован в нью-йоркском «The Popular Magazine» в конце 1915 г. В «Аргусе» он появился только в мае следующего года, однако публикация кажется любопытной: «Кугуар» был писательским дебютом Максвелла, его самым первым опубликованным текстом, и, как он оказался в поле зрения Раппопорта, не вполне понятно⁵. Предположение о том, что Раппопорт имел возможность следить за тем, что происходит в англо-саксонской периодике и даже пролистывать подборки зарубежных журналов, совсем необоснованным мне не видится, хотя прямых сведений о контактах Раппопорта с английскими или американскими писателями, журналистами и издателями пока нет.

Однако, хотя для Раппопорта, вероятнее всего, и были актуальны американские журналы pulp-беллетристики, есть основания говорить и о более значимых ориентирах. В этом смысле кажется важным обратить внимание на переводы именно британских авторов, в особенности тех, которые в России этого периода не были известны. Например, в мае 1916 г. переведен

⁵ Примерно так обстоят дела и с другим автором «Аргуса» — ирландским фантастом Э. Морфи, публиковавшимся в то время в Штатах в журнале «The All Story Magazine», проекте издателя Ф. Манси. В то же время Манси издавал и очень схожий журнал «The Argosy» (примечательно сходство названия с русским «Аргусом»). Оба издания (и «The Argosy», и «The All Story...») были посвящены преимущественно сенсационной беллетристике.

рассказ Э. Уоллеса, в то время очень популярного в Англии, но совсем незнакомого русским читателям этого времени, автора преимущественно шпионской беллетристики. «Аргусом» был выбран его рассказ про тайных агентов, в переводе озаглавленный «Что сделал Шиллер» [см.: Аргус. 1916. № 5: 13—24], а в оригинале называвшийся «Код № 2». Кое-что объединяло этот рассказ с целым рядом прочих публикаций «Аргуса». Таких, в частности, как «Палица Геркулеса» или «Черный принц» — рассказами некоего Ф. Уайта [см.: Аргус. 1916. № 6: 57—66; № 11—12: 77—184] или анонимным (но переведенным с английского!) рассказом «Украденный зонтик» [см.: Аргус. 1916. № 6. С. 67—74], «Тайной дубовой виллы» Р. Марша [см.: Аргус. 1916. № 10: 22—34], а также тремя небольшими рассказами Л. Меррика «Измена Нолленса», «Комедия епископа Вестборского» и «Почему Билли вернулся?» [см.: Аргус. 1915. № 7: 65—71; № 8: 59—67; № 10: 93—101]. Объединяющий фактор здесь — кроме во многих случаях жанровых характеристик — место первой английской публикации, а именно уже упомянутый мной «The Strand». В нескольких случаях связь с «The Strand» анонсировалась «Аргусом» прямо, как в случае с рассказом Уоллеса о швейцарском шпионе Шиллере: было указано, что текст снабжен иллюстрациями из «The Strand»; то же было и с «Палицей Геркулеса» (на самом деле «Long arm of bronze»). Показательно, что имя иллюстратора указано при этом не было и, вероятно, апелляция к журналу была весомее и привлекательнее для читателей, чем конкретные имена, хотя сложно сказать однозначно, рассчитывала ли редакция на узнавание названия журнала (полагая, что оно могло быть известно в связи с рассказами о Шерлоке Холмсе) или просто хотела щегольнуть отсылкой к иностранному изданию. Прямое упоминание лондонского журнала обнаруживается и в связи с анонимным «Украденным зонтиком»: то, что рассказ перепечатан «из Strand'a», сообщалось в скобках после заглавия и под рассказом вместо подписи. Однако и у других перечисленных рассказов, в аннотациях или примечаниях к которым журнал не упомянут, местом пер-

вой публикации оказывается именно «The Strand», более того, почти во всех случаях публикация в «The Strand» опережает публикацию русского перевода только на месяц (или около того) и содержит, по-видимому, те же иллюстрации. Непонятно, можно ли говорить об особых договоренностях Раппопорта и, скажем, уже упомянутого Э. Уоллеса или, например, автора неоготики Р. Марша (когда-то считавшегося в Англии самым заметным конкурентом Б. Стокера, но в России неизвестного). Очевидно одно: редактору «Аргуса» был так или иначе знаком английский «The Strand», и, вполне вероятно, этот журнал мог служить своего рода ориентиром для «Аргуса». Было бы преувеличением сказать, что Раппопорт пытался сделать из «Аргуса» «русский “Стрэнд”», но то, что журнал мог служить ему одним из образцов, кажется вполне вероятным. Предположительно, о необычайном коммерческом успехе «The Strand» Раппопорту было известно (например, о длинных очередях, выстраивавшихся за журналом, когда выходил новый номер с очередным рассказом про Холмса).

Насколько мне известно, об английских связях и ориентирах «Аргуса» пока никто не писал, хотя Пилиев, изучавший историю ранних переводов Дойля на русский язык, вскользь обращает внимание на то, что раппопортовский «Аргус» якобы значительно напоминал «The Strand» «оформлением и общим стилем» [Пилиев 2005]. Не то чтобы с замечанием Пилиева, которое помещено в скобки и выглядит совсем *à propos*, можно было согласиться без каких-либо оговорок. При желании в оформлении «Аргуса» и «The Strand» можно найти общие черты, однако в целом это предположение кажется немного натянутым. Довольно разнообразные обложки «Аргуса», всегда заинтересованного в сотрудничестве с лучшими художниками и иллюстраторами, не очень похожи на традиционную обложку «The Strand», изображавшую, собственно, Стрэнд, одну из центральных улиц Лондона, вернее, вид из окон редакции одноименного журнала на церковь Сэнт-Мэри-ле-Стрэнд. Сходство в некоторых концептуальных решениях Раппопорта и его британского коллеги Г. Смита,

связанном с его пребыванием в России. URL: <http://acdoyle.ru/about/sherlock%20holmes%20in%20russia.html> (дата обращения: 30.07.2016).

Хармс 1992 — Хармс Д. «Боже, какая ужасная жизнь и какое ужасное у меня состояние»: Записные книжки. Письма. Дневники // Новый мир. 1992. № 2 (182). С. 192—224.